

АННА ШНАЙДЕР

СЛОМАННАЯ

Анна Шнайдер Сломанная

<https://litres.ru/74204652>

Аннотация

Она живёт одна. Она никогда не улыбается. Она очень странная... самая странная из всех, кого когда-либо знал Юра. Зачем она вообще ему нужна?!

История Юры, сына Михаила из "Не любовницы" (прошло 5 лет) Измен здесь нет, но вам от этого не будет легче))

Традиционно у меня: героев можно ругать любыми словами, других читателей и автора - нельзя)

Содержание

Пролог	4
1	6
2	11
3	17
4	23
5	29
6	34
7	38
8	40
9	46
10	52
11	56
12	61
13	64
14	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пролог

— Я же просила тебя не заходить туда. Я просила!

Голос Сони впервые за всё время знакомства звучал взволнованно, вот только радости от этого не было никакой. Юра ощущал себя попавшим в сказку о Синей Бороде, причём в роли Бороды был не он...

Что ж, ты хотел вывести Соню на эмоции? Хотел увидеть, какой она будет, когда начнёт хоть что-то чувствовать? Получай!

— Я...

Он не знал, что сказать. Просто не мог найти слов, до сих пор пребывая в шоке от увиденного. Хотя казалось бы — давно должен был догадаться, что не зря Соня запретила ему заходить в эту чёртову комнату...

Ох, лучше бы она и вправду была чёртовой, а не... не...

— Извини... — выдохнул Юра и вздрогнул от того, как исказилось от яростной боли лицо Сони.

— Что?! — прошипела она, сверкая глазами. Губы её дрожали. — Ты считаешь, этого достаточно?! Я ведь просила тебя, просила! Зачем ты полез туда?! Зачем?!

— Просто хотел понять...

— Что понять?!

— Понять тебя. — Юра сделал шаг вперёд и попытался взять Сонино лицо в ладони, но девушка отшатнулась в сто-

рону и решительно мотнула головой, избегая его прикосновений. — Я хотел понять, почему ты такая.

— Понял? — горько усмехнулась Соня, и Юра заметил, что в её глазах застыли слёзы. Жуткое зрелище, оказывается, представляет из себя непролитое, не пережитое до конца горе. Как выкопанная могила рядом с гробом, который нужно опустить туда и закопать, но пока всё выставлено на всеобщее обозрение.

— Да. Понял. И я... Послушай...

— Я не хочу ничего слушать. — Соня сделала ещё шаг назад. — Я хочу, чтобы ты ушёл. Как можно скорее. И не возвращался! Никогда!

Она развернулась, явно собираясь убежать, но Юра не дал — на свой страх и риск остановил её, обняв обеими руками и прижав к себе, не сильно, но так, чтобы не могла вырваться.

— Соня, я могу помочь тебе.

Она всхлипнула и прошептала с такой безнадёжностью, что Юра замер, не в силах осознать...

— А если я не хочу, чтобы мне помогали?..

За две недели до...

Юра

Юра запрокинул голову и посмотрел в стремительно мрачающееся небо. Собирался дождь — нет, даже гроза, и, кажется, сильная, — поэтому светлый июньский вечер постепенно превращался в тёмный и почти осенний, ветреный. Где-то вдалеке над городом уже вовсю грохотало, но до набережной и моста, на котором стоял Юра, дождь ещё не дошёл.

Парень усмехнулся и накинул на голову капюшон толстовки. За неимением зонтика хотя бы так защитить свою дурную макушку от городского, далёкого от экологичности ливня. Хотя если будет сильная гроза, то эта хлипкая тканевая преграда едва ли поможет. Надо бы бежать к метро... Тут как раз пешком минут пять, а если поторопиться, и того меньше. Но не хочется.

Юра опёрся ладонями о заграждение и вгляделся в коричнево-серую муть воды под мостом. Гадость какая... А ведь есть же люди, которые в этой реке купаются, он сам видел подобных любителей городской бензиновой водички. Хотя бензин, скорее всего, не самая большая беда в этом случае. Юра в такую реку не полез бы даже за деньги, за что его веч-

но упрекала Настя. Нет, не за отсутствие интереса к купанию — за излишнюю разумность и нелюбовь к авантюрам. У неё, наоборот, в попе горело детство, несмотря на то, что Настя была старше Юры на два года. И до этого дня он считал, что подобное несовпадение характеров, наоборот, к лучшему: она — газ, он — тормоз, и вообще противоположности притягиваются... А вот Настя, как оказалось, считала иначе.

— Ты пойми, — выговаривала она Юре пару часов назад, сидя на кухне квартиры, которую они снимали на двоих уже целых два года. — Ты хороший и замечательный, но... Юрик, с тобой же со скуки можно сдохнуть! Каждый раз, когда я хочу развлечься, ты сомневаешься и тормозишь. Я из-за тебя даже с парашютом не прыгнула!

Юра поморщился, вспоминая претензии Насти. И ведь даже сказать в ответ ему было нечего — он действительно не пускал её прыгать с парашютом, потому что боялся высоты сам и опасался за Настю. Ему казалось, что она, будучи человеком абсолютно без башни, в его отсутствие — а прыгнуть с ней он не смог бы физически — наделает кучу ошибок и обязательно разобьётся. И да, Юра постоянно тормозил Настю в этом её желании, всячески отвлекал на что-то другое. И ему казалось иногда, что девушка оставила эту свою мечту, забыла о ней... Но выяснилось, что нет.

— В общем, сорян, — Настя развела руками, — я долго терпела, но больше не могу. Тебе бы девчонку поспокойнее, Юрик. Такую... отличницу, которая книжки любит читать.

А я слишком вольная для тебя птица, не могу я в клетке сидеть! Поэтому нам лучше расстаться. Я сегодня же съеду и...

— Куда ты съедешь? — не понял Юра. — Ты же не хотела возвращаться к родокам, потому что отец постоянно уходит в запой! Говорила, что жить с ними не можешь больше. Или он вылечился?

— Нет, — небрежно заметила Настя, помотав головой. И добавила то, отчего Юра на пару мгновений перестал дышать от возмущения: — Я к Пашке перееду. Договорилась уже.

— К Пашке... — эхом повторил Юра. Хотелось сказать: так вот в чём дело! У Пашки-то своя квартира, а не съёмная. А у Юры вот... отец состоятельный, но замороченный. Сам, говорит, должен накопить хотя бы на первый взнос, а я уж тебе в дальнейшем помогу с выплатами. Но на первый взнос — сам! Юра не жаловался, считал, что это вполне справедливо. А Насте, да, такой расклад сильно не нравился, и она всегда ставила Юре в пример Пашкиного отца, который сыну ни в чём не отказывал.

Но дело было не только в этом. Пашка играл в той же музыкальной группе, где Настя была солисткой, а Юра — бас-гитаристом. И, раз так получилось, что Настя сбежала к другому участнику группы... как Юре теперь в этой группе состоять? Смотреть на них обоих и радоваться, что ли? Вряд ли у него получится.

Юра не считал себя злобным человеком, но и ангелом он

тоже не был, поэтому абсолютно не желал видеть ни Настю, ни Пашку. Значит, нужно искать новую работу, притираться к другому коллективу, раз уж в этот он теперь ни ногой. Кстати, ещё надо этого самого Пашку предупредить... Он ведь у них лидером считается и контрактами занимается...

— Я подумаю об этом завтра, — хмыкнул Юра, кривя губы и по-прежнему вглядываясь в мутную воду реки под мостом. Сейчас, когда по водной глади барабанил косой и сильный летний дождь, поверхность отчего-то напоминала Юре колышущийся на ветру полиэтиленовый пакет.

А ещё Юра вдруг вспомнил, как много лет назад он гулял здесь вместе с Настей. Тогда они ещё не встречались, просто дружили, но он уже был влюблён. Собственно, он влюбился в неё сразу, как увидел... И это было, кажется, их первое свидание. Первое и последнее на долгие месяцы — Юра Настю тогда не впечатлил.

И где-то на этом мосту она вдруг сказала:

— А слабо сесть на перила и свесить ноги вниз?

— Зачем? — не понял Юра. Он тогда ещё был не в курсе Настиной любви к экстриму.

— Да просто так!

— Нет, — он усмехнулся, думая, что это какая-то дурацкая шутка. — Мне вообще-то жизнь дорога, и просто так ею рисковать я не стану.

Настя фыркнула и ничего не сказала, а Юра и не понял, что разочаровал её этим ответом. Вот почему она потом

несколько месяцев не соглашалась ни на одно свидание...

Воспоминания подействовали на Юру странным образом. Он вдруг разозлился, причём сам не понял, на что или кого. Схватился ладонями за перила, поставил одну ногу на перекладину ограждения, потом другую... приподнялся и сел на перила верхом, как на лошадь. И уже хотел перекинуть вторую ногу, чтобы сесть так, как хотела тогда Настя, — но неожиданно опомнился.

Юра

По телу пробежали противные мурашки страха, оседая отчего-то в области шеи и затылка, собираясь там, словно дождевые капли, попавшие под капюшон толстовки. А может, это и на самом деле вода, а вовсе не страх? В конце концов, толстовка отнюдь не непромокаемая, а дождь льёт приличный...

Господи, и что на него нашло? Юра сам на себя удивлялся. Что за дикий импульсивный поступок, больше свойственный Насте, чем ему? Неужели это расставание с ней так подействовало, что он начал делать глупости и тупить, почти как сестра Маша в подростковом возрасте? Она тоже вечно страдала какой-то абсолютной хернёй, Юра вообще не понимал, как до такого можно было додуматься. Всё давно ушло в прошлое и возвращалось только после встреч Маши с матерью, в остальное время сестра была нормальной. Но для этого ей пришлось пару лет походить к психологу.

Юре, видимо, тоже теперь придётся обратиться к мозгоправу. Парень даже усмехнулся, представляя, как рассказывает, что залез на ограждение, отделяющее пешеходную часть моста от городской вонючей речки. Интересно, что в таких случаях советуют психологи? Или это уже тянет на

психиатра? Может, это какое-то отклонение? Склонность к суициду... Хотя ни о чём подобном Юра не думал, садясь на перила, но мало ли? Может, в глубине души, подсознательно, и думал. Иначе откуда взялась эта странная самоубийственная идея? Не из воздуха или дождя ведь?

Да, именно так, скорее всего, и рассуждают психологи. Или психиатры. Если что-то пришло в голову, значит, оно зародилось именно в твоей голове и по какой-то причине. Юра психологом не являлся — он закончил журфак — и поэтому не мог определить, по какой причине вдруг захотел рискнуть жизнью. Глупо, надо слезать и идти в метро, а потом домой...

Но слезть с ограждения Юра не успел.

— Прыгай быстрее, а то здесь очередь, — раздался позади спокойный женский голос, и Юра замер, вцепившись слегка замёрзшими пальцами в перила. Дождь разыгрался не на шутку, и на этом открытом мосту, ещё и в давно вымокшей насквозь одежде, было уже слишком холодно. Юра чувствовал, что пройдёт пара минут — и он начнёт стучать зубами. Это если не свалится в воду из-за собственной глупости.

Понять, что имела в виду незнакомка, говоря про очередь, было несложно. Писать какие-либо тексты на заказ гораздо сложнее — там надо хотя бы думать. А тут и так всё ясно. Что ещё могла решить случайная прохожая, увидев Юру в подобной позе? Что он хочет сделать селфи? Погода неподходящая. А вот для того, чтобы свести счёты с жизнью, —

вполне.

Ёлки-мotalки, до чего он докатился, а? Если бы отец узнал, не посмотрел бы, что Юре уже стукнуло двадцать три, вспомнил бы про ремень.

— Ну, и чего ты застыл? — продолжала незнакомка так же спокойно. Голос у неё был приятный, очень женственный и глубокий, красивый до безумия. У Юры даже спина зачесалась — так захотелось срочно повернуться и посмотреть на обладательницу такого потрясающего тембра. Быть может, она поёт? Хотя и не обязательно — Настя вот отлично пела, а во время разговора ничего выдающегося не демонстрировала. Если только прекрасную дикцию. — Давай, либо прыгай скорее, либо место освобождай.

Юра неожиданно развеселился. А что, действительно ведь забавно — его приняли за замешкавшегося самоубийцу... Нелепость! Но, может, стоит подыграть? Тем более что оправдаться вряд ли удастся — будь он на месте этой случайной прохожей, тоже не поверил бы в нелепые отмазы в стиле: «я не хотел, оно само так получилось».

— Знаешь анекдот про лося и рельсы? — усмехнулся Юра и всё-таки клацнул зубами. — Вот ты мне второго лося сейчас напоминаешь.

— Нет, не знаю, — ответила девушка. — Но ты можешь мне рассказать. Если слезешь, конечно.

— А если не слезу, что ты сделаешь? — Ему и правда было интересно. Не будет же она его за шкурку хватать? Мок-

ро, скользко. Можно ведь и вдвоём сверзиться. Кстати, действительно хорошо, что незнакомка начала с разговора, а не попыталась схватить. Иначе Юра и вправду мог бы свалиться с моста в реку, вовсе не желая этого. Просто от испуга и неожиданности.

— Ничего не сделаю, — всё тот же невозмутимый тон. — Вызову полицию если только, и пусть они сами с тобой разбираются.

— Логично...

Юра вздохнул и попытался пошевелить ладонями. Чёрт, а ведь действительно — будто примёрз к этим перилам... Залезать сюда точно было легче, чем сейчас пытаться слезть. И что делать?

— Давай помогу, — произнесли сзади, а затем Юра ощутил, как его крепко обняли за талию тонкие и горячие женские руки. Сразу стало страшно, аж в глазах помутнело, — а вдруг и её утянет за собой вниз, в воду?..

Надо скорее слезать! И аккуратнее!

Вцепившись в перила, как утопающий в спасательный круг, Юра таки перебросил ту ногу, что провела пять минут зависнув над пропастью, на другую сторону ограждения и соскочил на землю.

Чужие руки сразу же разжались, и незнакомка сделала шаг в сторону, отходя подальше от Юры и позволяя ему рассмотреть себя.

Хотя... нет, рассмотреть было сложно. Дождь по-преж-

нему хлестал стеной, Юра давно промок, и по лбу потоком текла вода, склеивая ресницы и заливаясь в глаза. И видел он сейчас окружающее, в том числе стоящую перед ним в двух шагах девушку, словно через мутное и грязное стекло — только в общих очертаниях.

Она была невысокой, почти как Оксана, вторая жена его отца. Но не настолько худенькая, полнее, если судить по пышной груди, обтянутой тканью непромокаемой тёмно-синей куртки с капюшоном. Волос видно не было, поэтому, блондинка перед ним или брюнетка, Юра не знал. Да и черты лица почти не мог рассмотреть — но вроде бы симпатичная...

— Как тебя зовут? — спросил он, поднимая ладонь и пытаясь стереть с лица хотя бы часть воды. Бесполезно, она была уже повсюду, и ещё новая прибывала постоянно. Прямо над мостом висела огромная серо-синяя туча, и просветов на горизонте не наблюдалось.

— Соня, — ответила девушка кратко и зябко повела плечами.

— А меня Юра, — сказал он и сипло закашлялся — холод, кажется, умудрился пробраться до самых костей.

— Тебе далеко до дома? — поинтересовалась Соня, когда Юра откашлялся.

До дома было недалеко — полчаса, не дольше. Но Юра зачем-то соврал:

— Да, далече.

— Тогда пойдём, — она кивнула, развернулась и быстро зашагала прочь, даже не оглядываясь — словно не сомневалась, что он пойдёт за ней как привязанный.

Юра

Пока они под проливным дождём спускались с моста и шли к одному из ближайших домов, Юра в полной мере ощутил, насколько продрог, и не мог не ругать себя. Никогда ему не были свойственны идиотские поступки, а тут он меньше чем за полчаса умудрился перевыполнить план на долгие годы вперёд. И промок, причём специально оставшись под дождём — знал ведь, что будет гроза! — и замёрз, а ещё чуть не свалился в реку с моста. Страйк! Кому рассказать — не поверят, скажут: прикалываешься, не мог ты такую фигню творить. Настя точно не поверила бы.

Настя... Удивительно, но всё случившееся словно вылечило Юру от чувств к этой девушке. А ведь он был влюблён в неё целых шесть лет — с тех пор, как стал играть с Настей в одной музыкальной группе. Целенаправленно добивался её расположения, мечтал о ней, был не против даже семью создать, но Настя противилась — говорила, что сначала лучше купить квартиру. Она на неё тоже откладывала. Или говорила, что откладывает. Теперь уже Юре казалось, что Настя ему врала, а на самом деле...

А на самом деле она, скорее всего, была из той же породы женщин, что и его мать. Для матери на первом месте всегда

был финансовый комфорт, а потом уже всё остальное. И Настя встречалась с Юрой, пока у неё не было более выгодных вариантов — у Пашки была другая девушка. А как только он расстался со своей зазнобой, быстро подсуежилась. Юра отчего-то не сомневался, что всё было именно так. Хотя ещё пару часов назад он и предположить не мог, что будет подобным образом думать про Настю.

Но его розовые очки разбились и, как обычно случается, сделали это стёклами внутрь.

Юра передёрнул плечами и посмотрел на Соню, что шагала чуть впереди него. Точнее, на её ягодички, обтянутые джинсами. Девушка, как и он, шла без зонта, поэтому ткань слегка намочила, обтянув соблазнительные округлости ещё сильнее — хотя и без этого там было на что посмотреть. Очень аппетитно, просто обалденно. Теперь Юра убедился окончательно, что худой его новая знакомая не была — впрочем, толстой тоже. Соня была пухленькой, что называется — «в теле». И Юра поймал себя на мысли, что ему до ужаса хочется сжать её ягодички ладонями, а может, и похлопать по ним. И желательно без дурацких джинсов. И без трусов.

Усмехнувшись, Юра качнул головой, удивляясь на самого себя. Идёт домой к незнакомой девушке, мокрый и продрогший насквозь, и думает о сексе. О горячем чае надо думать! И хорошо бы ещё горячий душ принять, но это уж если Соня разрешит.

Они подошли к дому, и девушка быстро набрала мокры-

ми пальцами код на домофоне. Юра, встав рядом, покосился на Сонин профиль, но тучи так сильно закрывали небо, что он толком не смог ничего рассмотреть. Нос есть, да, — но, какой он формы, непонятно. Только видно, что есть, а над ним — пучок влажных волос. Кажется, тёмных.

Вошли в подъезд, поднялись по лестнице, и Соня нажала кнопку лифта. Дверцы тут же разъехались, девушка вошла внутрь, и Юра за ней. Соня развернулась, встав к нему лицом, — и Юра впервые за всё это время наконец-то смог увидеть её лицо. Залитое влагой, со слипшимися ресницами и покрасневшим от холода кончиком носа — но тем не менее показавшееся ему очень красивым.

У Сони были большие глаза ярко-синего цвета — на поллица, Юра никогда не видел настолько больших глаз. Длинные ресницы без всякой туши — ну, либо она водостойкая, поскольку потёков на щеках не наблюдалось. Сами щёки слегка пухлые, под стать фигуре. Нос пуговкой, небольшой, с острым кончиком, очень милый.

Да, милая — подходящее слово для Сони. При взгляде на неё у Юры сразу возникло ощущение, что он видит перед собой хорошего человека. У которого, правда, были слишком глубокие синяки под глазами. То ли Соня мало спит, то ли чем-то болеет.

Она тоже разглядывала Юру, только совсем не как он — без любопытства. Примерно так смотрят на обычную и ничем не выделяющуюся мебель. Юра даже слегка смутился

под этим открытым и равнодушным взглядом, ощущая себя стеной со слегка облупившейся краской. Даже захотелось сказать: «Погоди, я сейчас обсохну и буду посимпатичнее», но это было бы совсем глупо, и он промолчал.

Двери открылись на десятом этаже, Соня молча сделала шаг из кабины и подошла к одной из четырёх квартир на площадке. Достала ключи из нагрудного кармана синей ветровки, вставила в замок, провернула три раза и толкнула дверь.

Первым, что разглядел Юра, когда шагнул следом за девушкой в квартиру, — ещё даже до того, как Соня включила свет, — стала кошка. Или кот. Огромный пушистый мейн-кун, сидящий посреди коридора.

— Надеюсь, у тебя нет аллергии на шерсть? — спросила Соня, щёлкая выключателем. Коридор тут же наполнился ярко-белым светом, и Юра даже зажмурился от неожиданности. Глаза, привыкнув к потёмкам последнего часа, восприняли резко включённый свет как вражескую атаку.

— Нет, аллергии нет. А это кошка или кот?

— Кошка. Маша.

Юра невольно улыбнулся, осторожно открыл глаза и посмотрел на животное ещё раз.

— На Машу она как-то не тянет. Большая.

Соня никак не прокомментировала эти слова, молча раздеваясь. Сняла куртку, повесила её на один из крючков в коридоре, и Юра замер, зависнув на рассматривании волос девушки. Коротких, чуть ниже ушей, каштановых и слег-

ка прилипших к голове из-за капюшона. Но потом Соня потряхнула головой — и волосы распушились. Они были прямые — вились только кончики на чёлке. И тоже показались Юре очень красивыми. Хотя вроде бы ничего особенного — обычные тёмные волосы, даже стрижка стандартная. Никакого мелирования, перьев или ещё чего-нибудь необычного. Просто волосы. Но отчего-то хотелось протянуть руку и узнать, какие они на ощупь...

Юра даже моргать перестал. И дышать. Когда его в последний раз так торкало от девушки? От Насти когда-то — да, очень, но ему было семнадцать в то время. Девственник, что с него взять. А сейчас что? И не сказать, чтобы спермотоксикоз — последний секс с Настей вообще вчера был, и это казалось Юре особенно невероятным. Не за один же день она решила расстаться? Значит, ещё вчера стонала в постели, а сегодня: «Юрик, с тобой же со скуки можно сдохнуть!»

— Ты чего застыл? Снимай толстовку и кроссовки, — сказала, повернувшись к нему, Соня. — А потом иди в душ. Тебе нужно прогреться, иначе заболеешь. Одежду я тебе принесу, оставлю на стиралке. Только шторку задёрни и не закрывайся.

Соня развернулась и отправилась вглубь квартиры, и Юра невольно посмотрел ей вслед, всё так же любуясь ягодицами. Наваждение какое-то... Что она там сказала?..

Точно, душ! Юра быстро стянул насквозь промокшие кроссы, кинул толстовку на пуф — вешалку использовать не

стал, опасаясь, что замочит заодно и остальные вещи, висевшие рядом на крючках, — и проскользнул в ванную.

Юра

Плескался он минут десять, прогревая продрогшие мышцы, и так хорошо себя чувствовал, что вылезать не хотелось. Но пришлось — иначе было бы неприлично. Кроме того, Юра понимал, что хозяйке квартиры тоже неплохо бы принять душ, она и сама промокла, пусть и не настолько, как он.

А когда Юра вылез, то действительно обнаружил на стиральной машине стопку вещей и сложенное полотенце — видимо, тоже для него. Трусов, правда, не было, только спортивные штаны — то ли мужские, то ли унисекс — и серая футболка. Вот она была похожа на женскую — в груди оказалась великовата, — но в целом всё налезло нормально. И было как будто бы новым — по крайней мере, Юра не заметил никаких следов застиранности. И пахли выданные вещи, как и положено, свежим бельём.

Рядом, на полу, нашлись ещё и тапочки — правда, с учётом того что размер ноги у Юры был почти космический — сорок девятый, налезли они на его ступни с трудом, и пятки свисали нещадно. Чертыхнувшись, парень снял тапочки и решил идти так — благо пол в квартире у Сони был паркетным почти везде, кроме ванной и туалета. Ну и, наверное, кухни.

Там девушка и обнаружилась. Стояла перед столом и разливала в две большие кружки кипятка из электрического чайника салатowego, как молодая травка, цвета.

Юра неожиданно поймал себя на мысли, что ему нравится на этой кухне — так же, как понравилось и в ванной, выложенной светло-голубой плиткой с разноцветными рыбками, запутавшимися в водорослях. При взгляде на этих рыбок отчего-то легко представлялось, как в ванне играет и плещется ребёнок. Но детей здесь явно не было — иначе повсюду валялись бы игрушки, это Юра знал точно. Его брату и сестре было по пять лет, и следы их жизнедеятельности можно было обнаружить по всей площади квартиры отца и Оксаны. С одной стороны, забавно, но с другой — немного раздражает, потому что куда ни глянь — везде либо игрушки, либо книжки, либо пюрешки, либо разбросанная одежда.

В ванной у Сони ничего подобного не было. Более того, Юра не обнаружил второй зубной щётки. И мужских средств гигиены. Только мыло, шампунь и бальзам для волос, женская бритва, маникюрный набор и минимум косметики. Никаких мужских гелей для бритья, дезодорантов или сохнувших на полотенцесушителе носков не наблюдалось, из-за чего Юра сделал однозначный вывод: Соня живёт одна.

— Садись, будем... — начала девушка и внезапно посмотрела вниз, на Юрины ноги. Нахмурилась и поинтересовалась: — А почему без тапочек? Я же дала.

— У меня сорок девятый размер ноги, — пояснил Юра,

и Соня кивнула. А затем, поставив чайник на стол, ушла в комнату.

Парень сел на табуретку и осмотрелся. Здесь, на кухне, всё было не менее мило и опять же по-детски — как и в ванной. Светло-оранжевая занавеска с чашками и чайниками, на полу бежевая плитка, мебель салатовая, а плитка на фартуке ярко-зелёная, с зазорными подсолнухами. Стол, за которым сидел Юра, был обычный деревянный, и без всякой скатерти, зато с бамбуковыми салфетками, на которых как раз и стояли кружки с чаем. Причём ни в одной из них не было пакетика. Значит, Соня из тех редких людей, которые не используют чайные пакетики, а заваривают чай в чайнике. Вот, кстати, и он — глиняный и пузатый.

Запищала микроволновая печь, и Юра вздрогнул, оглядываясь — она была за его спиной, стояла на столешнице рядом с газовой плитой. Он отвернулся, невольно подумав, что Соня могла разогреть там еду — хорошо бы! — и тут девушка вошла на кухню.

— Держи, — сказала она, положив Юре на колени пару новых синих носков, даже с биркой. Мужских, большого размера. — Должны натянуться, попробуй.

Юра послушно надел предложенное, недоумевая, откуда у Сони, явно живущей в одиночестве, могли оказаться новые мужские носки. Но спрашивать не стал, предполагая, что этот вопрос вряд ли можно назвать приятным. Жила, наверное, с кем-то, кто оставил своё добро в квартире, а она про-

сто не выбросила. И вот — пригодилось.

— Спасибо, подходят, — кивнул Юра, опуская ноги на пол. Сразу стало теплее и потянуло в сон.

— Хорошо. Будешь суп? Правда, он у меня специфический. Из брокколи.

— Буду, — быстро согласился Юра, сглатывая слюну. — Я сейчас такой голодный, что готов съесть что угодно, хоть брокколи, хоть говяжью печень с шампиньонами.

— Не любишь? — поинтересовалась Соня, доставая из микроволновки сразу две тарелки с насыщенно-зелёным супом. Поставила одну перед Юрой, другую перед собой, а затем, на мгновение отвернувшись, взяла со столешницы плоску с пшеничными сухариками.

— Не люблю, — подтвердил Юра и вздохнул, когда сухарики оказались рядом с ним. И пахли они потрясающе — какими-то специями и, кажется, чесноком. А ещё они были почти такого же зелёного цвета, как и суп. — Спасибо.

— Не за что.

Соня невозмутимо опустилась на табуретку, взяла ложку, положила себе сухариков и принялась есть суп. Спокойно и размеренно, аккуратно и красиво настолько, что Юра даже засмотрелся.

В очередной раз за вечер.

— Ешь, — сказала Соня, когда пауза превратилась почти в неприличную. — А то остынет.

Юра кивнул, схватился за ложку и сделал первый глоток.

А ничего... Вкус брокколи был, но казался непривычным — Соня явно добавила в блюдо какие-то специи. Яркий, насыщенный и пряный — такой суп даже есть жалко...

Хотя нет. Всё-таки не жалко, потому что слишком хочется есть.

— Так всё вкусно, жуть, — пробормотал Юра через несколько минут, уничтожив половину тарелки. — Особенно сухарики. Они какие-то необычные.

— С песто, — равнодушно ответила Соня, отодвигая в сторону свою тарелку. Что такое это невиданное «песто», Юра не помнил, но в памяти что-то шевелилось. Что-то, связанное с Италией и итальянской пастой. — Ты наелся? Если нет, я ещё что-нибудь придумаю.

По правде говоря, есть по-прежнему хотелось. Не так сильно, но ощутимо. Суп из брокколи Юре понравился, но он был абсолютно диетический. Однако объедать хозяйку было как-то неприлично, и парень покачал головой.

— Спасибо, я сыт.

— Точно? — Соня подняла брови. — А то я могу ещё стейк пожарить. Хочешь?

От слова «стейк» во рту взбесились все рецепторы, и слюна едва не потекла по подбородку. Однако Юра всё равно решил отказаться... но не успел.

— Вижу по лицу, что хочешь, — кивнула Соня и встала с табуретки. — Тогда сейчас пожарю. Это недолго, пять минут. Хотя стейк, конечно, лучше сначала держать какое-то

время при комнатной температуре...

— Да не надо, — попытался отказаться Юра. — Я обойдусь! Ты и так мне, можно сказать, и баньку затопила, и накормила, осталось только спать уложить...

Шутка была немного пошлой, поэтому Юра улыбнулся как можно веселее, стараясь продемонстрировать, что ни на что не претендует, но Соня то ли не обратила внимания на двойственный смысл шутки, то ли...

Хм.

Юра замер, внезапно осознав: всё то время, что они просидели на кухне — да и до этого тоже, — Соня ни разу не улыбнулась.

Юра

Стейк Соня всё-таки пожарила, хотя Юра старательно отказывался, но она даже слушать не стала, сделала по-своему. И потом, поедая восхитительно вкусное мясо, к которому ещё дали домашнюю аджику и спелый, порезанный дольками помидор, Юра чувствовал себя самым счастливым на свете.

Настолько вкусно и сытно он ел, только когда приезжал в гости к отцу с Оксаной, повидать близнецов и пообщаться с младшей сестрой. Маша, в отличие от него, пока ещё не съехала, да и не собиралась. У сестры были отличные отношения с Оксаной — лучше, чем с матерью, — близнецов Юлю и Володю она обожала и с удовольствием возилась с ними, когда родители хотели отдохнуть. Маша закончила кулинарное училище, в прошлом году поступила в институт и мечтала стать ресторатором. Сестра отлично готовила. Не хуже Оксаны и их собственной мамы, которая тоже увлекалась готовкой и даже научилась зарабатывать этим на жизнь после развода.

А Настя вот настолько вкусно готовить не умела, поэтому они чаще либо покупали готовую еду в ближайшем супермаркете, либо заказывали доставку. Иногда Настя могла по-

жарить яичницу или приготовить пельмени, сварить сосиски или картошку, ну и бутерброды делала неплохо. Всё остальное у неё как-то не клеилось, даже элементарные котлеты — вечно были то недожаренные, то пережаренные.

Юра не жаловался и Настю никогда не ругал — для него неумение готовить не было существенным недостатком. Куда больше всегда напрягало Настино желание откуда-нибудь прыгнуть или куда-то слетать. Скорость, опасность, высота или глубина — вот что было для Юры проблемой, а вовсе не неумение жарить котлеты.

Но сейчас он вдруг подумал, что зря настолько легко относился к подобному игнорированию Настей плиты и сковородок. Ведь он часто рассказывал своей девушке об успехах Маши на этом поприще, да и кулинарный блог матери показывал — и, если бы Настя действительно любила Юру, наверное, она бы всё-таки постаралась научиться хоть чему-то, учитывая его любовь к вкусной домашней еде. Но нет, Настя не старалась...

«Ты сейчас на неё всех собак навешаешь», — подумал Юра с грустью и усмехнулся. Да, и всё-таки он злится, поэтому и обвиняет бывшую девушку черт-те в чём. С другой стороны... Не мог он теперь верить в то, что Настя его любила. Разве, когда любят, поступают так, как она? Вот Юра Настю любил и никогда бы не смог бросить её и тут же, одним днём, найти замену...

Подумав об этом, он едва не поперхнулся почти остыв-

шим чаем. Покосился на Соню, которая в этот момент, стоя у раковины, невозмутимо мыла за ним тарелку, и ощутил, как его словно поджигают изнутри — настолько жаркими казались чувства, которые он испытывал к этой почти незнакомой девушке. Да что там почти — совсем незнакомой! Что он знает о ней, кроме имени?..

— А ты... — Юра кашлянул и повысил голос, чтобы Соня услышала его за шумом воды. — Одна живёшь?

— Да, — бросила она так же спокойно, не обернувшись.

— Слушай... — Он вновь кашлянул, ощущая себя вчерашним прыщавым и неуверенным в себе школьником. — Я заметил, что у тебя трёшка... Ты комнату не сдаёшь?

Соня замерла, перестав на несколько мгновений мыть тарелку. Стояла, наклонив голову и глядя на струю воды, текущую из крана, а потом, тряхнув волосами, перекрыла воду и развернулась к Юре лицом, положив недомытую тарелку обратно в раковину.

Глаза Сони странно сверкали.

— Зачем тебе?

— Негде жить, — соврал Юра. И продолжил врать, точнее, говорить полуправду, сам не понимая, отчего поступает подобным образом: — Мой отец — богатый человек, но он не считает нужным мне помогать. Я снимал квартиру вместе со своей девушкой, но так уж получилось, что она меня как раз сегодня бросила. А в одиночку я квартиру не потяну.

Юре было стыдно. Стыдно обманывать, особенно клеве-

тать на отца, который, разумеется, помог бы ему в любом случае. Да и за квартиру Юра платил один, Настя не вкладывалась, — то есть он спокойно мог жить там же. Опасения были по поводу работы — ведь играть в той же группе, где и Настя с Пашкой, Юра считал для себя невозможным, — но никак не из-за квартиры.

Кроме того, он всегда и в любой момент мог поехать к отцу с Оксаной. Машка бы даже обрадовалась, она частенько жаловалась, что скучает по брату. А уж как обрадовались бы Юля и Володя!

— Ты из-за этого хотел с моста прыгнуть? — поинтересовалась Соня, и Юре стало ещё стыднее. Он уже успел забыть, что она считает его неудавшимся самоубийцей. Может, и кормит настолько вкусно поэтому? Чтобы, так сказать, он снова ощутил вкус к жизни.

— Да, — кивнул Юра, ощущая, что уши начинают краснеть, как всегда бывало, когда он испытывал неловкость или стыд. Да и лицо тоже горело. — Расстроился очень, вот и...

— Ладно, — перебила его Соня и отвернулась обратно к раковине. — Я сдам тебе комнату. Сама я сплю в той, что с балконом, а тебе достанется гостиная. Она самая большая и проходная, но другой у меня нет.

Юра слегка удивился. Он точно помнил, что прямо напротив ванной, рядом с кухней, была ещё одна дверь. Может, кладовка? И квартира вовсе не трёхкомнатная, он ошибся?

— Десять тысяч в месяц, плюс коммуналка пополам, —

продолжала говорить Соня. — Если тебя устраивают такие условия, можешь переезжать хоть завтра.

— Устраивают, — кивнул Юра и не удержался от торжествующей улыбки, сам не понимая, по какому поводу радуется. — А... можно я тебе буду доплачивать за готовку? Уж очень вкусно у тебя получается...

— Не надо доплачивать, просто покупай продукты — и я буду из них готовить. — Соня выключила воду, domыв последнее, и вновь повернулась к Юре. Скользнула по парню мимолётным равнодушным взглядом и сказала: — Я сейчас тебе постелю в гостиной. Можешь ложиться, можешь телевизор посмотреть, если хочешь. Но только пока я не выйду из ванной, потом всё нужно будет выключить. Я спать лягу, телевизор будет мне мешать.

— Без проблем, — пробормотал Юра, и Соня, кратко кивнув, быстро вышла из кухни, оставив его с ощущением чего-то невозможного, почти фантастического...

Неужели в реальном мире существуют девушки, которые вот так, за одну минуту, сдают комнату в своей квартире незнакомому парню, даже не поинтересовавшись ни его фамилией, ни уровнем дохода — вообще ничем? Неужели Соня не боится?

Это было настолько странно, что Юра пару минут ещё сидел за столом и пытался рассуждать, по какой причине можно быть настолько безрассудно-равнодушной, но в итоге сдался и отправился в гостиную.

Юра

В гостиной стоял светло-бежевый диван — сейчас он был застелен, и снятые с него подушки аккуратной стопкой лежали рядом, на полу. Перед диваном находился журнальный столик из тёмного дерева, на нём лежала какая-то книжка с закладкой и пульт от телевизора. Телевизор висел на стене напротив дивана, окружённый книжными шкафами. Впрочем, не только книжными — шкаф с посудой здесь тоже имелся.

С одной стороны от дивана стоял торшер на длинной тонкой ножке, с белоснежным абажуром, с другой, слева, рядом с окном, — письменный стол с компьютером. Обои были светлые, почти белые, с лёгким серебряным рисунком, на потолке вместо люстры — множество лампочек, под ногами тот же паркет, что и в коридоре, — если не считать пространства перед диваном, где лежал небольшой ковёр, тёмно-синий, с абстрактным рисунком. Когда Юра вошёл в гостиную, на этом ковре, развалившись пузом кверху, пристроилась кошка, но, заметив вошедшего, не торопясь поднялась и ушла в другую комнату.

Дверь в спальню Сони оказалась справа, скрываясь между двух гардеробов — Юра даже не сразу её заметил, настолько

органично она была встроена в интерьер. Но потом увидел маленькую щель — в неё-то и проскользнула Маса — и не удержался, подошёл ближе и посмотрел внутрь комнаты.

Он успел разглядеть только большую, словно двуспальную, кровать, комод, гигантский горшок с какой-то пальмой и балконную дверь, когда дверь ванной хлопнула, и Юра поспешил обратиться обратно на своё спальное место.

Мимо прошла Соня. В тёмно-коричневом длинном халате из толстой пушистой ткани — он, к Юриному сожалению, полностью скрывал её фигуру, и парень даже чуть поругал себя: было бы глупо надеяться, что Соня, даже при всём своём странном безрассудстве, станет рассекать перед ним в одной ночной рубашке. Ну, если только она не рассчитывает на бессонную ночь с жарким сексом. А она явно не рассчитывает — это было понятно по лицу девушки, холодному и отрешённому.

Соня уже почти прошла мимо, когда Юра зачем-то буркнул:

— Доброй ночи.

Она вздрогнула и резко остановилась, а потом посмотрела на Юру. И, по-прежнему не улыбаясь, сказала:

— Доброй. Я встаю на работу в семь. Если тебе никуда не нужно, постараюсь ходить тихо, но совсем на тишину не рассчитывай.

Юре не нужно было никуда идти настолько рано — репетиция была назначена на три часа дня, можно было по-

спать. Но тогда он лишит себя возможности ещё немного пообщаться с этой странной девушкой.

— Да я тоже в это время примерно встаю... — пробормотал Юра, и Сонины брови слегка нахмурились.

— Тогда так. Я в душ первая, мне минут пятнадцать нужно с утра. Потом ты. Могу даже разбудить. Или ты сам?

— Сам.

— На завтрак я обычно ем варёные яйца, йогурт и пью кофе. Устраивает?

— Да, — кивнул Юра, оживившись: ура, Соня его опять покормит!

— Отлично, — она вновь кивнула, смерив его нечитаемым взглядом. — Раздевайся, умывайся и ложись. Свет я пока оставлю, но ненадолго, иначе он мешать будет. Как умоешься, сразу выключи.

— Договорились, — согласился Юра, и Соня, отвернувшись, ушла к себе.

Парень ещё несколько мгновений сидел, пытаясь анализировать собственные ощущения — что-то показалось ему необычным в последней фразе Сони, но что он никак не мог понять. И уже когда Юра почти отчаялся и встал с дивана, намереваясь отправиться в ванную, чтобы хотя бы прополоскать с зубной пастой рот, ответ пришёл к нему ударом под дых.

Соня говорила с ним так, будто она — взрослая, а он — ребёнок. И только после осознания этого факта Юра вдруг

вспомнил у неё и сеть мелких морщинок вокруг глаз, и небольшие складки возле губ.

Соня была старше его. Насколько? Хороший вопрос... Как бы это выяснить?..

Соня

Свет в гостиной погас через десять минут, и она вздохнула с облегчением. Квартиру окутала привычная тишина, тяжестью ложившаяся на сердце, и Соня, отвернувшись в сторону балкона и закрыв глаза, постаралась тут же уснуть.

Она обычно засыпала быстро, очень уставая на работе, но не в этот раз. Сегодня сон не шёл. И причиной, несомненно, был парень в соседней комнате.

Для чего она вообще разрешила ему снять комнату? Удивительный поступок, тем более для неё. Соне не нужны были никакая компания и ничьё общество. Поначалу она привела этого Юру к себе просто из жалости — парень совсем промок, — но потом-то? Нужно было сказать: «Извини, я ничего не сдаю». И всё. А она зачем-то...

Нет, решено. Завтра утром нужно будет сказать, что она передумала сдавать комнату. Пусть решает свои проблемы сам, хоть он и молоденький, но вполне взрослый. Найти человека, который сдаст комнату за небольшие деньги, — не проблема в столице. А девушка... найдётся новая. Не может не найтись, мальчик-то симпатичный. Светленький такой, белокожий и голубоглазый — как эльф из «Властелина колец». Волосы только не такие длинные, но и не короткие,

до плеч. А от воды они начали чуть виться, что сделало этого Юру и вовсе похожим на подростка.

Наверное, его улыбка виновата в том, что Соня растерялась. Улыбался парень очень открыто и искренне, ярко и обезоруживающе — так, что у Сони даже из головы все мысли вылетали. Ямочки на щеках, белые зубы, тёплый свет в солнечно-голубых глазах... Этот парень был будто бы из другого мира. Из мира, где нет ни боли, ни горя, ни слёз — вообще ничего плохого, одна радость, мороженое и розовые пони.

Такому человеку не место здесь, рядом с Соней. Поэтому обязательно нужно сказать, что она передумала... Обязательно...

Рассуждая так, Соня не заметила, как уснула.

Юра

Утром он проснулся от лёгкого шороха поблизости — всегда чутко спал. Приподнялся на постели, огляделся — и первые несколько секунд никак не мог понять, где вообще находится. Потом вспомнил и удивился, осознав, какую дичь творил накануне.

Юра откинул одеяло и опустил ноги на пол, пошевелив пальцами. Вчера перед сном он снял носки, и теперь они лежали в изножье кровати, связанные узлом. Юра развязал их и надел, несмотря на то, что пол был тёплым.

Стыдно было ужасно. Сначала полез через перила, потом несколько раз соврал хорошей девушке, ещё и жильё у неё выцыганил зачем-то... Сейчас, утром — а утро, как известно, мудренее вечера — всё казалось каким-то особенно нелепым и дурацким. Юра всегда утверждал, что в человеческих поступках, даже в самых идиотических, должен быть какой-то смысл. Ну, наверное, должен быть... вот только Юра его не видел. Всё, что он совершил накануне, казалось ему сейчас абсолютно лишённым смысла — начиная от «попытки самоубийства», заканчивая просьбой о сдаче комнаты.

Невольно вспомнилась картинка: на плечах у человека си-

дят ангел и чертёнок, и оба что-то нашёптывают ему на ухо. Вот вчера Юра однозначно слушал только чертёнка, игнорируя ангела. «Бес попутал», что называется...

Впрочем, сегодня ещё не поздно всё исправить. Нужно просто извиниться перед Соней, всё объяснить, сказать, что их договорённость можно аннулировать, ведь Юре есть где жить. Да, будет стыдно, даже более чем стыдно, но это, по крайней мере, позволит ему остаться нормальным человеком хотя бы в собственных глазах. А Соня... пусть думает что хочет. Даже если заедет Юре по лицу, ничего страшного — заслужил.

Приняв это, как ему показалось, твёрдое и взвешенное решение, Юра встал с постели, намереваясь немного размяться перед душем — он привык делать утреннюю гимнастику, — но не успел, потому что из коридора в гостиную вошла Соня. Во вчерашнем халате, но с белым полотенцем на голове.

— Доброе утро, — сказала она, мазнув по Юре мимолётно-равнодушным взглядом, как у участкового терапевта во время приёма очередного скучного пациента. — Я закончила, ты можешь идти умываться.

Юра кивнул и хотел уже сказать что-то в стиле: «Соня, извини, я виноват перед тобой» — но язык у него прирос к нёбу, когда он посмотрел в её синие глаза. Это длилось всего пару секунд — потом Соня прошла мимо, к себе в комнату, но Юре хватило, чтобы растеряться и начать сомневаться в собственном решении. Несомненно, это решение было

правильное, честное и порядочное, но следовать ему не хотелось. Вообще не хотелось покидать эту квартиру и эту девушку, хотелось, наоборот, остаться рядом и разгадать её. Понять, отчего Соня настолько странная и по какой причине вообще не улыбается...

Юра думал об этом, пока умывался, без конца споласкивая лицо ледяной водой, чтобы взбодриться и включить мозги. Взбодриться получилось, а вот мозги работать не желали, по крайней мере, в том направлении, в котором обычно всегда рассуждал Юра. Он старался быть объективным, никого не обманывать, да и в общем относиться к другим так, как ему бы хотелось чтобы относились к нему. И Юра знал, что ему самому не пришёлся бы по душе подобный обман. Значит, надо сказать Соне правду. Сказать, извиниться и попроситься.

Когда Юра думал о «попроситься», в нём всё протестующе восставало. Он совсем не желал прощаться, и, если бы был шанс, сказав правду, продолжать встречаться с Соней, он бы сказал, не колеблясь. Однако Юра ощущал интуитивно, что его единственный шанс общаться с Соней — ложь. Иначе никак.

Значит, следует продолжить лгать?..

Так ничего и не решив, Юра вышел из ванной и направился на кухню, где Соня уже сидела за столом и пила кофе. Прямо перед ней стояла тарелка с двумя куриными яйцами, рядом лежал бутерброд с сыром. Юра повёл носом: пахло на

кухне замечательно — кофе и тёплым хлебом. Этот запах вызвал у парня такое слюнотечение, что Юра моментально забыл собственные душевные метания, сел за стол и с энтузиазмом схватился за свою чашку с кофе.

— Осторожно, горячий, — произнесла Соня, и Юра остановился, так и не донеся напиток до рта. — И там нет сахара. Я же не знала, какой кофе ты любишь. И сливок тоже нет. Вот, если нужно, сахар и сливки.

— Ты права, — улыбнулся Юра, взял ложку и добавил сахар в свою чашку. — Я действительно не пью горький кофе. А вот сливки... Могу с ними, могу без — неважно. А ты какой кофе любишь?

— Сладкий. Со сливками или молоком, — ответила Соня, взяв в ладонь яйцо. Постучала по нему ложкой и начала чистить. — Там на сковороде такой же бутерброд, как у меня. Я разогрела хлеб и положила сыр, чтобы он растаял. Возьми, если любишь такие бутерброды.

— Конечно, люблю! — восхитился Юра, улыбаясь шире. — Какой же мужик не любит бутерброды! Лучше, правда, с колбасой, но и с сыром тоже ничего.

Ему показалось, что на лице Сони появилась тень улыбки. Нет, не сама улыбка — только её преддверие. Потеплевшие глаза и немного приподнятые уголки губ. Может, показалось, конечно... Так или иначе, но Сонино лицо преобразилось, став менее холодно-равнодушным.

— Какой же ты мужик, — сказала она тем не менее спо-

койно, совсем не шутивым тоном. — Ты ещё молодой совсем парень. Институт-то хоть закончил?

— Конечно, — кивнул Юра, даже слегка обидевшись. — Мне уже двадцать три.

— Надо же. Я думала меньше.

Он взял со сковородки всё ещё горячий бутерброд — сыр на хлебе расплавился и аппетитно свисал с краёв — и, садясь обратно на табуретку, поинтересовался, стараясь говорить нарочито равнодушным голосом:

— А тебе сколько, Соня?

Едва не упал, услышав невозмутимый ответ.

— Тридцать три.

Вскинул изумлённый взгляд, изучая лицо девушки. Десять лет разницы... Нет, такого Юра не ожидал.

Но теперь, глядя на Соню при утреннем свете, а не в вечернем полумраке или при электрической лампочке, Юра замечал то, что не видел накануне.

Соня действительно была скорее «женщиной», а не «девушкой», но Юра всё равно не смог бы назвать её так. Несмотря на то, что теперь понял — она выглядела на свой возраст, наверное, потому что была явно очень уставшей, с синяками под глазами и взглядом, полным грусти.

Просто Соня по-прежнему ему безумно нравилась.

— Послушай... — вдруг начала говорить она, когда Юра, пытаясь скрыть смущение, откусил от бутерброда и чуть сразу не выплюнул откушенный кусок — настолько горячим

оказалась сторона, которой хлеб лежал на сковороде. — Я хотела сказать насчёт комнаты...

— Я заплачу сегодня же, — перебил Соню Юра, ощутив не иначе чем пятой точкой, что девушка хочет всё отменить. — Могу даже сейчас тебе на карту перевести, только номер скажи.

Соня вздохнула, закусила губу, явно раздумывая, а потом с неохотой пробормотала:

— Ладно, я всё-таки обещала. Но вот что, давай договоримся — ты будешь искать для себя другую комнату. И максимум через три месяца съедешь.

— Хорошо, — кивнул Юра, обрадовавшись, и вновь широко улыбнулся. Обычно его собеседники в ответ на такую улыбку улыбались в ответ, но только не Соня.

Она всего лишь вздрогнула и отвела глаза, будто улыбка Юры её чем-то смущала.

Юра

Соня ушла на работу через полчаса, сказав только, что будет дома часов в семь или позже. А потом отдала Юре ключ. Всего один, хотя замков в двери было два.

— Это от нижнего замка, — пояснила девушка, положив ключ на тумбочку возле входной двери. — Когда будешь уходить, не забудь закрыть дверь. Там три оборота. От верхнего замка ключ я тебе не дам, я им всё равно не пользуюсь.

— Ты так спокойно отдаёшь мне ключ от квартиры, — удивился Юра. — Не боишься, что я в твоё отсутствие что-нибудь унесу? Ты ведь даже паспорт мой не видела.

— Не боюсь, — кратко ответила Соня, не прокомментирав всё остальное, и вышла из квартиры.

После этого Юра быстро собрался, надев свою вчерашнюю одежду, которая успела высохнуть, но оказалась настолько мятой, что даже неловко было её надевать. Юра хотел всё погладить, но не смог найти ни утюг, ни гладильную доску и чертыхался на собственное поведение — идиот, даже телефон у Сони не взял! Хотя с ним всё понятно — он со вчерашнего дня чудил так, словно совсем поехал крышей, но Соня-то? Мало того, что дала ключ незнакомцу, так ещё и контактов своих не оставила. А если потоп, пожар или ка-

кая-нибудь другая чрезвычайная ситуация?..

Юра вздохнул и покачал головой. Ладно, вечером он исправит свою оплошность, попросит у Сони телефон. Ну а пока наденет мягкое и на улице сделает вид, что так задумано и вообще вещи «как из жопы» — это сейчас модно.

Первым делом Юра отправился к себе на квартиру — раньше он всегда называл это место «наша с Настей квартира», но теперь это было невозможно. Настя обещала собрать вещи накануне, а вот Юра намеревался кое-что захватить с собой в Сонин дом сегодня. Сменная одежда, зубная щётка, обувь, зонт — это как минимум.

Что он будет делать дальше со всей этой странной авантюрой, Юра не представлял, поскольку толком не понимал цели собственного вранья. У него не было каких-то конкретных планов на Соню, ему просто не хотелось уезжать от неё вот так сразу, не познакомившись толком, не поняв, почему она такая. Вроде бы никакой особенной корысти, но Юре всё равно было слегка тошно от самого себя.

Добравшись до квартиры, Юра вытащил из шкафа спортивную сумку и принялся загружать в неё вещи. Набив до отказа необходимым, сделал ревизию в холодильнике — собрал всё, что могло пригодиться в новом месте обитания и было скоропортящимся, остальное либо выкинул, либо задвинул подальше на полку. Потом устало опустился в кресло, обвёл взглядом комнату, в которой они с Настей провели, как он думал, множество счастливых часов, и достал из

кармана мобильный телефон.

Нет, звонить бывшей девушке Юра не собирался. Вещи Настя действительно собрала, а если что и осталось, пусть приходит и забирает — благо ключ от квартиры пока у неё.

Юра хотел поговорить с Пашкой, и совсем не о Насте.

Пашка Гуров был лидером их музыкальной группы, он занимался не только организационными моментами и раскруткой, но и играл на синтезаторе. Правда, не всегда — в последнее время стал искать себе адекватную замену. Официально — потому что много времени отнимали, как Гуров выражался, «административные функции», но Юре казалось, что Пашке просто надоело. Лидер их группы — называлась она «Town», что переводилось как «город», поэтому сами себя они часто называли «горожане», — был человеком увлекающимся. Он мог чем-то загореться до искр в глазах буквально за одну секунду, схватиться за какую-то идею и воплощать её в жизнь, а потом остыть в одночасье. Причём у Юры возникало ощущение, что срок Пашкиного энтузиазма был прямо пропорционален поддержке его обеспеченного отца. Если тот сразу говорил: «Дурь, забудь», то Пашка забывал. А если кивал и давал деньги, то Гуров ещё какое-то время занимался своей идеей.

Увлечение музыкальной группой длилось около шести лет — приличный срок с учётом Пашкиного характера. Но с этим увлечением было связано и наличие поклонников, а главное — поклонниц, что особенно привлекало парня. Юра

видел это с самого первого дня прихода в группу — как раз около шести лет назад, когда «горожане» только начинали выступать в клубе, принадлежащем отцу Пашки. Их лидер тащился больше не от самой игры на синтезаторе, а от общения с публикой, от внимания, аплодисментов и восторженных охов-вздохов симпатичных девчонок, которые липли к Пашке как мухи к варенью. Юра тоже не был святым, и ему нравилось иметь поклонников, но всё-таки гораздо сильнее он наслаждался самим выступлением. Юра любил музыку и даже думал пойти в консерваторию после окончания школы, но всё-таки рассудил, что нужна ещё какая-нибудь профессия, а то мало ли, что может случиться. Да и вдруг ему надоест играть на гитаре, захочется попробовать что-то новое, совсем иное? Поэтому Юра пошёл на журфак. Закончил год назад, но по профессии так и не устроился, продолжая играть в группе Пашки Гурова. Неплохие деньги они зарабатывали, не было нужды дёргаться... А теперь вот появилась.

Насте Пашка всегда нравился, и Юра об этом знал. Но сам Гуров на Настю внимания не обращал и даже порой пошло шутил, что она для него слишком костлявая — он любил девчонок попышнее. Да и не хотел Пашка встречаться с девушкой из своей же группы — по крайней мере, говорил так остальным участникам, объясняя, отчего не отвечает на Настины призывные взгляды и кривляния. Видимо, передумал... Измором она его взяла, что ли?

— Ну привет, Алмаз, — хмыкнул Пашка, сняв трубку по-

сле третьего гудка. Юру так называл он один — из-за фамилии Алмазов, у остальных как-то не прижилось. — Как жизнь молодая?

— Нормально, — буркнул Юра, поражаясь, как Пашке хватает совести разговаривать с подобной бравадой. Если бы Юра увёл у кого-нибудь девушку, он бы точно не смог вести себя так, будто ничего не случилось. — Я хотел тебе сообщить заранее, что продлевать контракт не буду. Доиграю этот месяц, а потом всё.

— А потом уже и не надо, я группу распускаю, — хмыкнул Гуров. — Надоело что-то. Батя предлагает в его фирму устроиться, посмотреть, что там и как. Хочу попробовать. А ты чего, из-за Настюхи, что ли? Зря.

— В каком смысле — зря? — не понял Юра, и Пашка неприятно хохотнул.

— Да радоваться надо, что окольцеваться не успели! Она же, знаешь, все эти годы другой вариант искала. Ты для неё был запасным аэродромом, за неимением, так сказать, лучшего. Натура у неё такая бл**ская, понимаешь?

— Паш... не надо оскорблять.

— Да я и не оскорбляю, а констатирую факт. Кто такие бл**и? Женщины, которые продают себя за деньги, верно? Ну и чем Настюха отличается от них? Ей на всё плевать, чуйства-х*юйства — это не про неё. Выгода — вот что главное. Я её поманил: предложил к себе переехать — она и обрадовалась.

— Погоди, — пробормотал Юра и схватился свободной рукой за волосы. — То есть ты как бы... пошутил над ней, что ли?

— Не, не пошутил, — вновь хохотнул Пашка. — Поживу с ней чуток, погремлю костями. Она же не трахается, а стучается, трындец! А как надоест — выставлю. Так что ты, Алмаз, не злись. Смотрел я на тебя и диву давался, как ты не видишь, что Настя из себя представляет. У тебя ведь мать такая же, сам рассказывал! Ищи себе, короче, девку нормальную, а не ту, которая за квартиру готова Родину продать.

— Это я тебя типа поблагодарить должен? — процедил Юра, испытывая дикое желание проломить Пашке голову. Благодетель нашёлся, причинитель насильного добра. Да кто его просил-то?!

— Не должен, но поблаговаришь. Не сейчас, конечно, а потом, позже, когда остынешь. А на репетицию сегодняшнюю не приходи, я её проводить не планирую. Наоборот, сообщу всем, что закрываемся, неустойку за этот месяц я выплачу, а там хоть трава не расти. Всё, Алмаз, адъёс. Будь здоров, не кашляй.

И Пашка положил трубку прежде, чем Юра успел его обматерить.

Юра

Минут пятнадцать он просто сидел и злился. На Пашку за самоуправство, на Настю, что так глупо повелась на обыкновенный развод, и на себя, что закрывал глаза на характер своей бывшей девушки. А ведь знал, всегда знал, что Настя во многом напоминает маму... Но ведь и мама не была ужасным человеком. Просто эгоистичная до мозга костей, любящая деньги намного сильнее, чем собственных детей, но в целом — не самая плохая в мире женщина. Таких людей навалом. Да тот же Пашка! Какое право он имел судить Настю, если и сам от неё недалеко ушёл? Разве он не готов ради денег на многое? Разве не хочет, чтобы его любили за душу и сердце, но сам вряд ли останется с девушкой, которая не будет соответствовать его представлениям об идеальности? Она должна быть и красивой, и обеспеченной, и уверенной в себе, и при этом не стервой — да где же такие водятся? Вот потому Пашка и менял партнёрш как перчатки, не мог сосредоточиться ни на одной — не устраивали они его. То одно, то другое было не так. Но у Пашки хотя бы семья богатая, а Настя-то из другой социальной прослойки. Отец у неё всю жизнь пил горькую, порой и мать с ним за компанию, младший брат тоже не брезговал, да ещё и наркоту до-

мой таскал. Очень просто рассуждать, имея за плечом кучу бабла, обеспеченных родителей и отличную квартиру. Весь мир под ногами, любые дороги открыты. А у Насти никаких дорог не было. И то, что она музыкалку с отличием закончила, а потом и институт с красным дипломом и сама везде пробивалась, а не пошла по стопам родителей и брата, — это только её заслуга. И ничего удивительного, что она хотела для себя красивой жизни. Кто бы на её месте не хотел? Но телом она не торговала, зря Пашка так...

Впрочем, в чём-то Гуров был прав — это Юра отлично понимал. Нет, не в характеристике Насти — ей, как говорится, Бог судья. В конце концов, она никаких преступлений не совершала, не грабила и не убивала. А вот в том, что Юре Настя не очень подходит, — однозначно прав. И рано или поздно у него открылись бы глаза. Просто Пашка с какого-то рожна решил поспособствовать «открыванию». Сделал доброе дело, да. Только почему у Юры ощущение, будто его дерьмом накормили?..

Зазвонил телефон, и парень встрепенулся — кто там ещё?.. Опять Пашка или, может, Настя?

Но звонила Маша, младшая сестра.

— Привет, Юрик, — раздался её тонкий и звонкий голос в трубке, как только он ответил на звонок. — А я сессию закрыла!

— Как закрыла? — удивился Юра. — Ещё вроде по срокам один экзамен.

— А у меня по нему автомат!

— Ах, точно, ты же отличница... — протянул парень, чувствуя, как потихоньку повышается настроение. — Что, отличница, отмечать будешь?

— Ага. В субботу хотим все вместе в кафе сходить. Придёшь?

— Спрашиваешь! Конечно, приду.

— С Настей? — поинтересовалась с опаской Маша, и Юре стало смешно. Да, вот ещё одна причина, по которой ему давно стоило насторожиться, — Настя никому из его семьи не нравилась. Нет, конфликтов не было, но все относились к ней с каким-то напряжением, будто постоянно ждали подвоха.

— Нет, без неё. Мы с ней расстались.

В трубке на пару мгновений повисло удивлённое молчание, а затем Маша радостно взвизгнула:

— Что, правда?! Ты не шутишь?

Юра даже улыбнулся, правда, с грустью.

— Угу, не шучу. Она сказала, что я скучный, и ушла к другому. Который веселее.

— Настя — дура, — фыркнула Маша с презрением. — Юрик, не переживай! Лучше уж сейчас расстаться, чем, как папа, жить потом с ней из-за детей. Ты себе другую найдёшь! Ты самый классный!

— Спасибо, Маш, — Юра улыбнулся шире. От искреннего голоса сестры и вправду стало намного легче, и даже по-

казалось, что мир вокруг словно посветлел. — Не буду переживать. По крайней мере, сильно.

— Это правильно. Привет тебе от Оксаны и Юли с Володи! Мы сейчас вместе в парке гуляем!

— И им всем привет передавай...

Юра положил трубку и откинулся на спинку кресла, обвёл глазами комнату. На самом деле, если бы не эта странная авантюра с Соней, пришлось бы что-нибудь срочно изобрести, что позволило бы ему жить не в одиночестве. Юра жил один только раз, и ему не понравилось — было тоскливо, если не сказать тошно. В то время он ещё не представлял, как вести домашнее хозяйство, да и ленился, поэтому с радостью вернулся под крыло к отцу и Оксане. Позже, когда начал встречаться с Настей, снова захотелось отдельное жильё, и вдвоём с девушкой жилось уже веселее. Но теперь...

Жалко, конечно, тратить лишние деньги, но всё-таки отказываться от съёма этой квартиры Юра пока не собирался. Мало ли, что и как получится с Соней...

«А что ты вообще от неё хочешь, приятель?» — подумал он и даже плечами пожал — ответить самому себе было нечего.

Юра

В квартиру Сони он вернулся около пяти часов вечера, но девушки дома не оказалось. Впрочем, она предупреждала. Зато оказалась жутко голодная Маша, и Юра обыскал всю кухню в попытке найти еду для кошки, но не преуспел. В итоге, надеясь, что Соня за подобное самоуправство его не казнит, сварил Маше курицу из числа продуктов, принесённых им самим. Нарезал мясо, положил в блюдечко, поставил на пол и с удовлетворением наблюдал за тем, как кошка от удовольствия аж мурчит, поедая курицу.

Самому тоже очень хотелось поужинать, точнее, пообедать — на съёмной квартире Юра просто перекусил чипсами и парой бутербродов, но теперь, как говорил отец, «растущий организм требовал своё». Хозяйничать на Сониной идеально чистой кухне не ради кошки, а ради себя было боязно, поэтому Юра пока терпел. Пожевал только немного отварной курицы, но этого оказалось преступно мало — желудок лишь сильнее начал бунтовать. Тогда Юра всё-таки решил рискнуть и приготовить нормальный ужин для себя и Сони. Она ведь поздно придёт, наверняка сил не будет кашеварить на двоих...

Заглянув в холодильник в очередной раз за вечер, Юра за-

думчиво потёр подбородок. Продукты были, не сказать чтобы много, но были. А вот что из этого можно приготовить, могла бы придумать Маша, но отнюдь не он. Значит... надо делать то, что точно умеешь. И что едят все люди почти без исключения. А именно — яичницу.

Юра нашёл на столе бутылку с оливковым маслом, пожарил на нём помидоры и болгарский перец, добавив ещё и немного сухого базилика — он тоже обнаружился на столе возле плиты, на деревянной подставке, где в металлических баночках стояли разные приправы. Юра помнил, как Маша говорила, что базилик и помидоры — идеальное сочетание, и решил рискнуть. Когда помидоры стали мягкими, разбил в сковороду пять яиц — три из них растеклись сразу — и попытался сохранить желтки, чтобы оставались жидкими, но не вышло. Они застыли, затянувшись белёсой плёнкой, как обычно и получалось у Юры, невзирая на все старания. Он знал, что вкус от этого не испортится, но всё же немного расстроился — хотелось произвести на Соню впечатление. А то он пока, похоже, в ауте — мало того, что Соня считает его неудавшимся самоубийцей из-за несчастной любви и беднотой, неспособной снять квартиру, так ещё и готовить не умеет. Позорище! И это она пока не знает, что с работой у Юры тоже теперь швах. Нужно искать новую. Но какую — вопрос. Несмотря на образование, журналистом Юра никогда не работал, стоит ли пробовать? Или искать новый музыкальный коллектив?

Так или иначе, но сначала Юра всё-таки хотел отдохнуть — хотя бы до конца недели. Всего-то три дня осталось...

Съев свою порцию яичницы с хлебом и выпив большую кружку чая, Юра решил наведаться в туалет. И, проходя по коридору, отчего-то покосился в другую сторону — там была гостиная, в которой он спал, а рядом с ней — дверь ещё в одну комнату. Юра не удержался и подошёл, дёрнул за ручку... но дверь оказалась заперта.

— Хм... — пробормотал Юра, отходя в сторону. Посмотрел вниз — да, замок имеется. Но, где ключ от него, было неясно. А главное, и в принципе непонятно, зачем закрывать комнату, если живёшь в одиночестве. Если только там лежат какие-нибудь пыльные стройматериалы... Или, может, дорогая и хрупкая вещь, которую Маша способна разбить в отсутствие хозяйки? В любом случае Юра не сомневался — ничего криминального там нет. Ну закрыта эта комната и закрыта, ему-то какое дело?

Но дело, видимо, было, поскольку Юра думал о ней и в туалете, и после, сидя на диване в гостиной в ожидании Соны. И не знал: спросить у неё или не высовываться? Вдруг сама расскажет? А если спросит, может ведь и не ответить из принципа...

Ключ в замке начал проворачиваться ровно в семь часов вечера, как раз когда Юра стал раздумывать: может, всё-таки стоит включить телевизор или почитать что-нибудь, а не только таращиться в стену? Но не успел — пришла Соня.

Юра вскочил с дивана и стремительным шагом направился в коридор, где девушка, держась одной рукой за стену, снимала тёмно-синие кроссовки.

— Привет, — выдохнул Юра, останавливаясь в паре метров от Сони, и она слегка вздрогнула, поднимая на него удивлённые глаза.

— А-а, это ты, — выдохнула и, перестав держаться за стену, начала стягивать ветровку. Под ней оказалась футболка цвета хаки свободного кроя, но Юре хватило, чтобы прикипеть взглядом к Сониной пышной груди. Как можно выглядеть настолько сексуально в обычной футболке не самого нового вида и спортивных штанах? — А я забыла, что ты тут. Я надеюсь, в душ тебе не надо?

— Нет, — мотнул головой Юра, сразу же заметив, что чёлка девушки прилипла к мокрому от пота лбу. — Я перед сном пойду. Я там ужин приготовил. Правда, час назад где-то. Будешь яичницу?

— Буду. Но после того как помоюсь.

Соня хотела пройти мимо него в ванную, но остановилась, когда Юра с любопытством поинтересовался:

— А где ты работаешь?

— В клининге, — спокойно ответила девушка и, пока Юра переваривал её ответ, всё-таки скрылась в ванной.

В клининге... Это отчего-то казалось Юре странным, хотя он понимал, что почти не знает Соню. Однако она совсем не ассоциировалась у него со словом «уборщица». Неужели

для такой девушки не нашлось другой работы? Явно ведь образованная, да и готовить умеет...

Да, вопросов становилось всё больше и больше.

Соня

Струи тёплой воды скользили по телу, снимая усталость, и Соня закрыла глаза, погружаясь в привычную полудрёму, которая всегда захватывала её после тяжёлого рабочего дня. А такие дни у неё последние два года были всегда. Выходных Соня не брала, только больничные, но болела она редко. А когда болела, старалась поскорее выздороветь и вернуться на работу.

Не работать было невозможно, невыносимо. Соне было жизненно необходимо грузить себя физическим трудом, и чем больше, тем лучше. Чем более уставшей она приходила домой и чем быстрее засыпала от этой усталости, тем проще было существовать. Иначе Соня быстро погружалась в отчаяние и вновь начинала думать о том же, о чём накануне думал Юра, сидя на перилах моста.

Она тоже сидела так два года назад. В абсолютном ступоре, не в силах ни упасть вниз, ни слезть. Сидела, пока её не сняли прибывшие спасатели, а затем карета скорой помощи отвезла Соню в психиатрическую клинику, где она провела несколько недель, лечась от суицидальной депрессии.

Да, Юре бы тоже к специалисту... Но говорить с ним на эту тему Соня не хотела. Для подобных разговоров необхо-

дим эмоциональный ресурс, а она его не имела. Несмотря на то, что до сих пор принимала таблетки и периодически — по мере необходимости, если суицидальные мысли возвращались, — обращалась к психиатру. Всё равно — сил едва хватало на жизнь, точнее, на существование. Врач говорил, что со временем это пройдёт, станет легче, но Соня не верила.

Почему должно стать легче? Просто так? Она не видела ни одной причины для этого. Да и времени прошло уже прилично...

Или мало?

Иногда Соне казалось, что много, очень много. А иногда — что всё случилось только вчера. Особенно если она заходила в комнату, чтобы хоть протереть пыль... и лучи яркого и радостного солнечного света ласково касались фотографий, стоящих в книжных шкафах, подчёркивая счастливые улыбки, блеск голубых глаз Алисы, её золотистые кудряшки, ямочки на щеках Андрея, его большие руки, сильные и надёжные... Соня в такие моменты почти слышала их совместный смех.

Смех, оставшийся в далёком прошлом. В прошлом, которому Соня до сих пор принадлежала.

Два года она не смеялась и даже не улыбалась. Просто не могла, не получалось.

«Как только улыбнётесь — значит, выздоравливаете», — говорил врач, пытаясь шутить с Соней, но она только головой качала.

Улыбаться? Смеяться? Над чем?

Ей давно ничего не казалось смешным...

Юра

Когда Соня вышла из ванной, Юра как раз проходил мимо — шёл из гостиной на кухню, решив попить чаю ещё раз. В конце концов, сидеть на кухне, пока хозяйка квартиры ужинает, без напитков или еды — это будет как-то странно. Поэтому Юра рассудил, что следует заварить себе чай. Так он сможет быть возле Сони, и это не покажется навязчивостью.

Но девушка вышла из ванной настолько неожиданно, моментально очутившись прямо возле Юры и едва не дав ему дверью по лбу, что он оторопел и непроизвольно сжал Соню в объятиях, прижимая к себе.

Юру тут же бросило в жар, словно кипятком окатили, — он моментально осознал, что на Соне ничего нет, кроме полотенца. Да, большого и махрового, но всего лишь полотенца! Белого, как платье невесты.

И оттого, что Юра слишком сильно прижал Соню к себе, оно съехало, почти обнажив грудь девушки.

Белые плечи, пышная плоть, соблазнительная ложбинка между... Ох! Возбуждение было настолько сильным, что у Юры даже в глазах потемнело.

— Я тебя не ударила? — спросила Соня с такой невозмутимостью, словно ничего необычного не происходит. И

дыхание у неё не участилось, и взгляд не изменился, так и оставшись спокойным, как прохладная озёрная вода. — Мне показалось, дверь отлетела тебе в лоб.

— Нет, всё в порядке, — выдохнул Юра, не в силах не смотреть вниз, на грудь Сони. Господи, неужели она не чувствует? У него в штанах ведь сейчас тесно так, что даже почти больно. И её бедро рядом. Не может она не чувствовать... Неужели настолько безразлична к нему? — А-а...

Что он хотел спросить, Юра впоследствии вспомнить так и не смог. Все мысли покинули голову, как только — то ли от его дыхания, взволнованного и жаркого, то ли от движения Сони: она попыталась отойти от Юры в сторону, — полотенце развязалось и сползло с груди окончательно, открыв взору не только белоснежную кожу, но и розовые ареолы сосков.

Юра сглотнул, издав какой-то сдавленный стон. Желание было уже диким, почти неконтролируемым, и он, пока ещё был способен соображать, всё-таки выпустил Соню из объятий и сразу нырнул вниз, за упавшим на пол полотенцем. Чертыхнулся, поднялся, держа белую ткань перед собой, как щит, и закрыл им девушку.

А потом зажмурился и выпалил:

— Извини, я не специально.

— Я тоже, — ответила Соня с некоторой растерянностью, но тем не менее спокойно. — Просто халат вчера засунула в стиральную машину. Надо было всё-таки его оттуда вытащить и надеть. А я решила, что потихоньку прошмыгну. Ду-

мала, что ты на кухне...

— Я как раз туда шёл, чай хотел выпить...

— Иди. Пей. Я сейчас переоденусь у себя и приду. Ты говорил, что делал яичницу?

В голосе Сони на этот раз было сочувствие, и Юра даже слегка рассердился на неё. И на себя. На себя — что реагирует как подросток, а на неё — потому что она-то как раз вообще не реагирует! Словно он и правда подросток, а не вполне взрослый мужчина, пусть и младше её на десять лет.

Чёрт... Эти десять лет — как ком в горле...

— Делал, но она уже остыла давно.

— Нестрашно, я разогрею.

Воздух рядом колыхнулся — Соня прошла мимо, к себе. И этот воздух показался Юре жарким, да и подействовал на него как прикосновение. Словно Соня не просто прошла рядом, а провела ладонью по паху, где пока ещё ничего так и не успокоилось.

Но как тут успокоиться? И вроде бы зажмурился — а перед глазами всё равно её тело. Нежное, молочное, к которому так и тянет прикоснуться...

Юра

Выпив полкружки чаю почти залпом, Юра всё-таки смог успокоиться, причём не только телом, но и душой. Он словно увидел себя со стороны и понял, насколько детскими должны казаться Соне его поступки и реакции — и это она ещё не обо всём знает. Даже если отставить в сторону его вчерашнее поведение, остаётся сегодняшнее. Где это видано, чтобы взрослый парень впадал в ступор от обнажённого участка женского тела? Ладно ещё возбуждение, против физиологии не попрёшь, но остальное-то? Естественно, сама Соня не отреагировала. Удивительно, как она не засмеялась... Хотя она в принципе никогда не улыбается. Для Юры это было странно — в его семье все были улыбчивыми. Хотя у Маши был период, когда она больше хмурилась, но он давно прошёл. Однако Соня ведь и не хмурится тоже. И не хмурится, и не улыбается, её лицо вот уже сутки спокойно-нейтральное, как будто ей безразлично происходящее. Очень странно это... Может, у неё что-то случилось?

Юра задумался над этим, сжимая в руках тёплую чашку с чаем. А между прочим, вполне похоже на правду. Обычно люди не ведут себя так, как Соня. Во всём — начиная с того, что любой человек за сутки хоть раз, но улыбнётся, за-

канчивая тем, что вряд ли кто-то из Юриных знакомых потащил бы домой незнакомого парня, а потом ещё и позволил ему снять комнату в своей квартире. Без договора, демонстрации паспорта, какого-то глобального опроса и даже без предоплаты. Расскажи подобную ситуацию кто-то посторонний — Юра не поверил бы. Сказал бы, что ерунда, фэнтези какое-то. Ну или книжный любовный роман. Только в глупых книжках наивные и обязательно невинные девушки стремятся помочь таинственным, а зачастую даже опасным незнакомцам. Маша рассказывала Юре о подобных сюжетах — она, будучи немного цинично-скептической для своих восемнадцати лет, к таким книгам относилась с юмором. «Сказки», — фыркала сестра, и Юра улыбался.

А теперь он и сам, получается, в сказку попал? Только вот Соня вроде как не наивная, невинная девушка, а Юра — не brutальный мужик в беде, за которым гонятся бандиты. Будь оно так, всё было бы гораздо проще. Быть brutальным мужиком вообще проще, чем обычным молодым парнем среднестатистической внешности, без постоянного дохода и временно без работы. Хотя бы без проблем с бандитами обошлось — это утешает. С другой стороны, непонятно: какие проблемы у Сони? Может, у неё как раз... Впрочем, нет, глупость.

Просто у неё что-то случилось. Как у Маши, когда родители решили развестись. Только намного серьёзнее, ведь Соне всё-таки не двенадцать лет.

Юра поставил чашку на стол, и в этот момент на кухню вошла та, о ком он думал. С таким же спокойно-холодным лицом, как и всегда, прошла к плите и подняла крышку со сковородки.

— О, с помидорами, — сказала Соня, но без особого энтузиазма. — Я люблю с помидорами. Сейчас разогрею. А ты ел только вот эту половину яичницы?

— Ну... да. С хлебом.

— Не мало?

— Да нет, я наелся... — пробормотал Юра, даже не зная, правда это или нет. С одной стороны, он не чувствовал такого же голода, как пару часов назад, но и абсолютно сытым тоже не был.

— А котлеты будешь? У меня есть готовые, только разогреть. Хочешь?

Отказаться от котлет было выше его сил, даже если Соня предлагала полуфабрикаты из коробки, поэтому Юра согласился. Но через пару секунд выяснилось, что нет, не из коробки — девушка достала из холодильника небольшой лоток и выложила оттуда оставшиеся четыре котлеты на сковородку к яичнице.

А потом по кухне распространился такой запах, что Юра даже на стуле начал ёрзать от нетерпения. И он думал, что наелся? Наивный!

— Огурцы будешь? — спросила между тем Соня, вновь открывая холодильник. — А то у меня никакого гарнира нет.

Могу макароны сварить.

— Нет, давай огурцы, — ответил Юра, вставая с табуретки. — А можно я тебе помогу? Огурцы помою и почищу, например.

— Хорошо, — кивнула Соня и сунула парню в руки пакет с огурцами. — Вот, держи. Думаю, трёх будет достаточно.

— Трёх? — зачем-то уточнил Юра, на мгновение заливнувшись на губы девушки. У Сони они были довольно-таки крупные, но не утиные, и чётко очерченные — будто подчёркнутые ярко-красным карандашом. Однако Юра понимал, что никакой косметики на лице у Сони нет. И от этого понимания поцеловать девушку хотелось ещё сильнее.

— Да. Мало? Тогда...

— Нет-нет, вполне достаточно, — он мотнул головой, отвлекая себя от рассматривания Сониного лица. — Я просто уточнил. Сейчас всё сделаю.

Юра быстро помыл и порезал овощи, постоянно косясь на девушку, которая в это время сервировала стол и периодически приоткрывала крышку сковородки, чтобы перемешать яичницу или перевернуть котлеты. Каждый раз после этого действия запах усиливался, и Юра постоянно сглатывал слюну.

— Ты вкусно готовишь, — сказал он ещё спустя несколько минут, попробовав те самые котлеты. Даже с учётом того, что они были как минимум позавчерашними, вкус был отличным.

— Обычно, — ответила Соня равнодушно, глядя только в тарелку. Ела она хорошо, но словно без аппетита, как-то механически. Единственное, что доставляло ей удовольствие — это, кажется, чай. Юра заметил, как Соня постоянно отпивает из чашки. Обычно чай пьют после еды, а она вот делала это всё время.

— Нет, вкусно, — возразил Юра и решил кое-что рассказать. Нужно же было о чём-то говорить? Да и этим рассказом он, возможно, чуть расшевелит Соню, нарушит её невозмутимость. — Я знаю в этом толк. Моя мама, когда поняла, что отец собирается с ней развестись, научилась готовить, надеялась его этим умаслить. И как-то увлеклась, после развода даже решила зарабатывать готовкой. Торты на дому пекла, завела себе страницу в «инсте», на «ютубе» мастер-классы выкладывала... Неплохие деньги этим зарабатывает, даже какие-то кулинарные курсы зарубежные смогла себе оплатить. В общем, я немножко секу в готовке, хотя не только из-за мамы. Сестра младшая кулинарный техникум закончила, а... мачеха в принципе хорошо готовит.

— Мачеха? — переспросила Соня, всё-таки поднимая глаза. Её лицо по-прежнему было почти невозмутимым, но раз спрашивает — значит, хотя бы слушает. — Твой отец ушёл к другой женщине?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.